

А

О. В. Евдокимова

К восприятию романа М. Е. Салтыкова-Щедрина "Господа Головлевы"

(Заметки)

В читательском восприятии романа М. Е. Салтыкова-Щедрина "Господа Головлевы" (1875--1880) в наши дни проявились некоторые существенные особенности, свидетельствующие как о новых запросах читателя, так и о новых возможностях прочтения этого произведения великого сатирика.

Во-первых, роман, как правило, вызывает у современного читателя, и в частности в среде университетского студенчества, сильные эстетические впечатления.

Во-вторых, он нередко вступает в переключки с произведениями современной прозы. Так, в книге В. Пелевина "Чапаев и Пустота" (2000) читатели не раз усматривали своеобразное следование Салтыкову-Щедрину. В частности, в том, как разработан писателем нашего времени во многом щедринский концепт "пустоты", по-щедрински же соединяющий в себе предметно-бытовые и метафорические значения.

Современным роман Щедрина воспринимается еще и потому, что это роман социальный. Напомним, жанр "Господ Головлевых" сам автор характеризовал вполне определенно, называя "общественным". Сегодня понятие "социальное", "общественное", "идеологическое" наполнилось неизмеримо более сложным содержанием сравнительно с тем, каковое в нем прочитывали во второй половине XIX века или в веке XX.

Наконец, Иудушка, главный герой произведения, больше не пугает и не поражает читателей своей крайней необычностью. Читатель романа все чаще оказывается готов разделить мнение выдающегося актера, сыгравшего Иудушку на сцене, И. М. Смоктуновского, высказанное в устной беседе и в главном состоящее в том, что Салтыков-Щедрин писал не про какого-то чудовищного человека, стоящего особняком среди людей, но про каждого из людей.

В историко-литературных исследованиях последних лет в наибольшей степени актуализированы три аспекта изучения романа. "Господа Головлевы" продолжают рассматриваться в контексте русского семейного романа и семейных хроник.¹ Иудушка изучается в статусе "ментального героя". Но наиболее новым и перспективным среди исследовательских подходов считается сопоставительное соотнесение "Господ Головлевых" с евангельским -- шире -- библейским текстом. Названы и описаны многие из библейских образов, сюжетов, цитат, реминисценций, которые намеренно, даже подчеркнуто и открыто писатель ввел в роман.

Подробнее разработана в научной литературе тема "блудного сына". Она признана сквозной в романе. Отмечено, что все герои произведения -- в той или иной мере "блудные сыновья", их судьбы раскрываются в ключе библейской притчи о блудном сыне. Этот евангельский текст, как показано исследователями, наделен в романе ролью архетипической.²

Однако усилия ученых, предпринятые в этом направлении осмысления романа, не только не приблизили, но еще более отдалили "событие понимания" произведения.

Причины достаточно очевидны: художественные функции библейского "слова" в "Господах Головлевых" объясняются не из художественных интенций и решений автора, а из внетекстовых представлений исследователей. Впрочем, существуют только два варианта объяснений.

Первый связан с традициями русской критики XIX века и наследовавшей эти традиции историко-литературной наукой XX века. Любой элемент текста Салтыкова-Щедрина в данной традиции объяснялся под знаком того, что "Господа Головлевы" -- сатирическое произведение, автор которого только "разоблачает". В силу традиции и в статье современного автора "Библеизмы в структуре образа Иудушки Головлева" художественная роль библейских реминисценций усматривается в том, что они обнаруживают "уровень культуры пореформенного поместного дворянства", показывают ""практическую" жизнь Священного писания" и контраст между нравственным смыслом источника и, с другой стороны, "приземленно-бытовым и даже ханжески-циничным его наполнением в устах "пустослова" Иудушки".³

Другое, новое и продуктивное, направление объяснения художественных смыслов, извлекаемых Салтыковым-Щедриным из "цитирования" священных текстов, располагается в области православной

А